

Памяти Григория Мишонца (1902-1982)

Г. Мишонц. набросок. 1981 год.

Ассоциация Русских художников и скульпторов во Франции глубоко опечалена смертью одного из основателей Ассоциации — художника Григория Мишонца.

Григорий Мишонц в значительной степени способствовал сближению художников старшего поколения — старых «монпарнасцев», с «новой волной» русских художников-эмигрантов — а это и есть цель нашей Ассоциации, основанной в 1978 году. Григорий Мишонц был не только одним из последних ярких представителей Парижской школы — целой художественной эпохи (он выехал из Бессарабии в 20-е годы и с тех пор жил в столице Франции). Его глубокая человечность всегда привлекала к нему людей. Никогда он не завидовал чужим успехам, и, дожив до преклонного возраста, не потерял доброжелательности, умения понять и ободрить ближнего. Его старые друзья до сих пор помнят о доброте и деликатности, с которыми он в трудное время делился куском хлеба с теми, кому пришлось еще труднее, чем ему.

Как можно было не любить его мастерскую на улице Сены? От Сен-Жермена до Монпарнаса все знали его в лицо. Он был стариннейшим из завсегдатаев кафе, где еще с 20-х годов проводила время вся интернациональная элита; он часто вспоминал о Максе Эрнсте, Генри Миллере, Сутине и о многих больших художниках из числа русских эмигрантов той легендарной эпохи — Парижа первых десятилетий XX века. Мне он рассказывал, как ходил вместе с Сутиным на боксерские матчи, он же познакомил меня с Кремнем, еще одним русско-еврейским художником-эмигрантом, выходцем из России, чей талант до сих пор еще не оценен вполне. Говорил Мишонц и о своих взаимоотношениях с группой сюрреалистов (не желая к ним примыкать, он держался от них в стороне). Однако он испытывал уважение к их главе — Андре Бретону, в особенности за его «убежденность, настолько твердую, что она помогала противостоять всем превратностям судьбы».*

Мишонц мог бы под бременем лет упасть в уныние, потерять бодрость духа; но он беззаботным жестом отважно отмахивался от искушения печалью, был он до самой своей смерти удивительно жизнелюбив. Признание не спешило прийти к нему; не в его характере было рваться в первые ряды — он считал, что известность должна найти его сама. Жаль, однако, что критика была не слишком прощательна, что публика не обратила нужного внимания на этого художника. Все же было у него несколько персональных выставок — в Париже, Израиле, Англии, и был он отмечен двумя премиями — «Поль Гийом» и «Коплей» (Нью-Йорк).

В своем творчестве художник оставался верен своему внутреннему миру, сторонясь авангардистских тенденций.

Как рассказать о его мире, как выявить его корни, истоки? Это можно сделать лишь отчасти, ведь речь идет о тайне творчества. Сам художник

не без юмора, но настойчиво относил себя к «сюрнатуралистам». Мишонц создавал странный мир, полуреальный, полувоображаемый; изображал сцены, в некотором роде схожие с брейгелевскими композициями. Персонажей его картин как бы обуревают чувства, непонятные зрителю; действие происходит то в городе, то на фоне деревенского пейзажа (реже — в интерьере); перед нами — род человеческий, без возраста, в неких райских кущах; тут же — какие-то зверьки. Если же и появится тут «необычный гость» (скажем, красная птица), он пришел скорее из восточной сказки, чем из сюрреализма. В стороне от реальности, Мишонц, тем не менее, не порывает со своей эпохой, с повседневностью, любит и род людской. Его творчество — искусство примитива новейших времен.

Мишонц полностью владел живописным мастерством, которое приобрел, занимаясь в школе живописи, изучая творчество великих мастеров прошлого. В его произведениях чистота контура, точность объема, колористическая тонкость указывают на преклонение перед живописью Пьетро Делла Франческа. Особенностью его техники было применение прозрачной лиссировки, которая делалась как в старину. Благодаря этому, его картины смотрелись как драгоценная старая живопись.

Одно время его стала привлекать декоративность, сочетания приглушенных тонов. Однако в последние годы художник отказался от лиссировки, его композиции стали более подвижными, со все увеличивающимся количеством персонажей. Но в целом творчество Мишонца представляет собой нечто единое, цельное. Таким было ощущение от его крупной ретроспективной выставки, проходившей в 1978 году в Культурном центре в Труа.

В окрестностях этого города — на Мельнице Жюльи, Мишонц провел свои последние годы. Он подолгу жил там, приглашал туда друзей и коллекционеров. Здесь он создал большую часть своих картин, которые недавно были похищены. Эта кража его потрясла. Именно после этого Мишонц начал угасать; а спустя недолгое время умер в Париже — не выдержало сердце.

Ушел от нас Мишонц — один из последних представителей старой Парижской школы, мастер, который писал с ощущением искренней радости, что он — художник. Это был человек, сохранивший чистое сердце, живой ум, умеющий здраво глядеть на окружающий мир — и за это честь ему и хвала**.

**Моник Вивье-Брантом,
Президент Ассоциации Русских
художников и скульпторов
во Франции.**

Перевод К. С.

* Отрывок из письма Андре Бретона к Мишонцу.

** Написано Генри Миллером в связи с открытием выставки Мишонца в Лондоне в 1959 году, в Галерее Адамс.